

У ЛЮБВИ,
КАК У ПТАШКИ,
КРЫЛЬЯ

‘ETLANA

ETLANA ETLANA

У любви как у пташки крылья

«Автор»

2026

ETLANA E.

У любви как у пташки крылья / Е. ETLANA — «Автор», 2026

«Моя милая Лана, за десять лет тебе предстоит пройти через многое...» — так начинается этот честный разговор с самой собой. Роман-биофикшн «У любви, как у пташки, крылья» — это глубокая история взросления, ошибок и поиска собственного пути. Жизнь Ланы и Влада строилась на надеждах и попытках удержать хрупкое счастье. Но когда реальность рушит их планы, перед Ланой встает главный выбор: раствориться в чужих ожиданиях или найти в себе силы расправить крылья. «Каждый твой поступок ведет к последствиям. Прежде чем принять решение, подумай, сможешь ли ты их принять...» Почему эту книгу стоит прочесть? Это искренняя история без придуманных драм, в которой каждая женщина узнает себя. Это рассказ о вечном поиске баланса между долгом и личными желаниями, о смелости отпустить прошлое и заново научиться летать.

© ETLANA E., 2026

© Автор, 2026

ETLANA ETLANA

У любви как у пташки крылья

У ЛЮБВИ КАК У ПТАШКИ КРЫЛЬЯ

«Моя милая Лана,

За десять лет тебе предстоит пройти через многое. Главное — будь уверена, что всё, что ты сделаешь, — к лучшему. Помни: каждый твой поступок ведет к последствиям. Поэтому, прежде чем принять решение, подумай, сможешь ли ты принять последствия. Это самое главное, что я хотела тебе сказать» — так начинается честный разговор с самой собой, который растянулся на десятилетие.

Название моей книги — «У любви, как у пташки, крылья» — это не просто метафора нежных чувств. Это история о том, как трудно порой разжать руки и позволить себе взлететь, когда тебя тянет к земле привычка, страх или не завершённое прошлое. Моя книга — это биофикшен, история взросления, где за каждым эпизодом — скрывается выбор, последствия которого я приняла спустя годы.

Почему вам стоит её прочесть? Потому что здесь нет придуманных драм. Это история о каждой из нас: о том, как мы строим карьеру, как учимся прощать себя за ошибки первой любви и как однажды осознаем, что «крылья» были у нас всегда — нужно было лишь решиться ими воспользоваться.

Будет ли «как прежде»

Сентябрьский воздух в тот вечер был еще теплым, пропитанным ароматом вечернего сада и шумом большой семьи, собравшейся в доме тети Мэри. Лана чувствовала себя превосходно, наслаждаясь вечером в честь младшей сестры своей мамы. Когда за столом воцарилось оживление, смех и бесконечные разговоры, в гостиную вошел Влад — знакомый тети Мэри, который сразу приковал к себе внимание. Он вошел уверенно, словно пространство подстраивалось под него. На нем был классический костюм-тройка — зрелый, безупречный выбор, который в наши дни казался почти анахронизмом. Другие гости, если и старались выглядеть нарядно, обходились максимум рубашкой с галстуком или небрежно наброшенным пиджаком. Влад же выделялся резким, благородным контрастом: жилетка, идеально сидящий пиджак, повязанный с безупречной точностью галстук. В этом образе не было ни капли вычурности — только врожденное достоинство. Он выглядел великолепно, не просто как гость, а как человек, который точно знает, кто он такой и чего хочет от этого мира.

В тот момент, когда он обвел гостиную взглядом, его внимание остановилось на девушке, стоявшей чуть в стороне от общего круга.

Лана казалась простой и понятной: невысокая блондинка в белой блузке и классических черных брюках, которые безупречно подчеркивали её стройное, подтянутое тело. Но стоило ей пошевелиться, как всё остальное в комнате — и шумные родственники, и накрытые столы — словно ушло на второй план. Было что-то в её облике, от чего невозможно было отвести взгляд.

Её глаза светились невероятным блеском, будто она знала какую-то тайну, доступную только ей одной. А когда она рассмеялась над выходкой маленького ребенка, этот смех — живой, искренний и до того заразительный — заставил Влада невольно улыбнуться.

Он почувствовал, как внутри что-то откликнулось. Влад привык к тому, что на него смотрят с оценкой или восхищением, но сейчас он сам оказался тем, кто заворожено наблюдает. Хотя они не раз уже виделись, но сегодня между ними будто пробежал электрический разряд, тонкая искра, которую не мог погасить даже привычный семейный гам. Он понял: этот вечер перестает быть просто очередным визитом к знакомым.

Лана, стараясь не выдать своего любопытства, с интересом изучала гостя. Сегодня её внимание было полностью приковано к нему: этот брюнет с безупречной стрижкой, густыми бровями и выразительными карими глазами выглядел особенно притягательно. А аккуратно подстриженные усы придавали его облику завершенность и легкую строгость, которая лишь усиливала желание рассмотреть его получше.

Влад сделал шаг в сторону, освобождая проход, и их глаза встретились. Он улыбнулся — вежливо, с той долей уверенности, которая всегда сопровождала его, но в глубине его взгляда Лана прочла нескрываемое любопытство.

— Ты здесь единственная, кто не пытается казаться важнее, чем есть на самом деле, — негромко заметил он, остановившись рядом.

Лана, привыкшая к тому, что на неё смотрят как на «племянницу», неожиданно смутилась, но быстро взяла себя в руки.

— А ты, я полагаю, единственный, кто считает, что костюм-тройка — это самый удобный наряд для семейного застолья? — парировала она, и её смех, звонкий и заразительный, заставил Влада рассмеяться в ответ.

На секунду их миры — его, отстраненно-спокойный, и её, полный кипучей энергии, — соприкоснулись.

Взгляд Ланы задержался на его строгом галстуке.

Лана подошла чуть ближе и не удержавшись, улыбнулась:

— Знаешь, я никогда не умела завязывать галстуки, — призналась она, с любопытством разглядывая узел. — А у тебя он выглядит идеально.

Влад перевел взгляд на её лицо, и в его глазах, до этого чуть хмурых, промелькнуло что-то теплое.

— Научишь как-нибудь, как правильно завязывать? — добавила Лана, тихо рассмеявшись.

Он не ответил сразу, изучая её с неожиданным интересом, а потом уголки его губ дрогнули в легкой улыбке:

— Конечно, — отозвался Влад, понизив голос так, что это прозвучало почти как обещание. — В этом нет ничего сложного. При случае — с удовольствием покажу...

Разговор прервался грохотом разбитой посуды и криком тети Мэри из соседней комнаты, заставив всех за столом замереть. Смех оборвался, сменившись тяжелой, липкой тишиной.

Внутри у Ланы всё напряглось, как натянутая струна. В этот момент голос совести оказался громче инстинкта самосохранения. Пока остальные гости, словно парализованные, выжидали, Лана сорвалась с места, движимая юношеским максимализмом и наивной уверенностью, что справедливость — это норма, которую просто нужно напомнить.

Влад сделал шаг вслед за ней, но это было движение не защитника, а человека, пытающегося удержать рушащуюся декорацию благополучия. Его лицо стало каменным. Он уже знал, чем это закончится, но не сделал ничего, чтобы предотвратить катастрофу.

В комнате царил хаос: опрокинутый стул и дядя Вася, багровый от ярости, нависал над тетей Мэри.

— Что здесь происходит? Прекратите! — голос Ланы дрогнул, но прозвучал твердо.

Дядя медленно повернул голову. В его взгляде не было узнавания племянницы — только животная ярость зверя, которому мешают выплеснуть накопленную желчь. Он не ответил словами. Он просто оттолкнул её. Лана не ожидала такой грубости. Удар о край телевизора был резким, вышибающим воздух из легких. Мир поплыл, окрашиваясь в мутные цвета, а в ушах зазвенела тишина, перекрывающая крики. В этот момент, когда всё вокруг казалось расплывчатым, рядом возник Влад.

Он подошел к ней, и его голос, спокойный и рассудительный, прозвучал как холодный душ:

— Лучше уйти, Лана. Они взрослые, и нам лучше не лезть в это, — сказал он, глядя на неё с высоты своих двадцати четырех лет.

Вскоре они покинули вечеринку, оставив позади хаос и шум.

Вечерний воздух был прохладным и казался особенно чистым после душной, пропитанной запахами еды и тяжелой атмосферой квартиры. Лана шла медленно, стараясь не думать о боли, полученной от удара о телевизор.

— Прости, что тебе пришлось увидеть эту неприятную семейную сцену, — сказала Лана, стараясь скрыть дрожь в голосе.

— Тебе не за что извиняться, это ведь не ты затеяла эту ссору, — с пониманием ответил Влад.

Он заметил, как Лана зажмурилась от боли.

— Ты как? Сильно болит? Я видел, как ты ударилась, это было... жестко.

Лана остановилась. Она посмотрела на него — в свете уличных фонарей его лицо казалось молодым и почти беззащитным.

— Физически — до свадьбы заживет, — попыталась улыбнуться она, но улыбка вышла слабой. — Знаешь, я сама удивляюсь. В тот момент, когда я бежала к дяде, я не чувствовала страха. А сейчас, когда всё закончилось, я чувствую совсем другую боль.

Влад сделал шаг ближе, его взгляд стал внимательным и мягким.

— Какую?

— Обиду, — призналась Лана, глядя в сторону. — За родственников. За то, как легко они выходят из себя и начинают друг друга оскорблять. А это же семья самые родные люди должны быть. Ну и за себя тоже... мне неприятно, что наш вечер закончился так. Я ведь не такая «боевая», как ты мог подумать.

Влад тихо рассмеялся — это был искренний, теплый звук, который заставил Лану посмотреть на него снова.

— А я как раз подумал совсем другое, — сказал он, остановившись напротив неё. — Я никогда не видел, чтобы кто-то из моих знакомых вот так бросался в огонь, не задумываясь о последствиях. Это было... смело. Можно сказать безрассудно.

Он помолчал, рассматривая её лицо.

— Моя семья — люди непростые. Ты сегодня видел их худшую сторону. Мне жаль, что тебе пришлось через это пройти.

— Честно сказать, я не люблю массовые скопления. Редко хожу на дискотеки или вот такие мероприятия. Но я очень рад, что пришел сегодня, этот вечер свел нас вместе. Даже при таких обстоятельствах. Давай я провожу тебя до дома? Хочу убедиться, что ты дойдешь без приключений.

Лана кивнула, и они медленно пошли дальше. Боль никуда не делась, но сейчас она казалась лишь фоном для зарождающегося интереса, который был куда сильнее любого ушиба.

Влад проводил Лану до дома, и в тишине осенней ночи их близость стала почти осязаемой. Лана хотела что-то добавить, оправдаться за свою импульсивность, но слова застряли в горле. Влад сделал шаг навстречу, сокращая последние дюймы пространства между ними. Его

рука, уверенная и теплая, коснулась её ладони, а в следующую секунду он уже целовал её — страстно, требовательно, совсем не так, как целуют сверстники в техникуме.

Лана замерла. Внутри всё отозвалось трепетом. Она не сопротивлялась; напротив, в этом первом поцелуе с мужчиной, который был старше и мудрее, она ощутила не знакомые ей чувства. И они ей понравились.

Когда они отстранились друг от друга, Лана опустила взгляд, чувствуя, как жарко стало лицу. Она не знала, что сказать, как удержать этот момент, не превратив его в неловкость. Но Влад, словно прочитав её мысли, мягко взял инициативу в свои руки.

— Я за тобой наблюдал, — негромко сказал он, глядя прямо в глаза. — Можем мы еще встретиться? Мне необходимо с тобой увидеться.

Лана смутилась, вспомнив о завтрашнем дне, который казался ей теперь таким далеким.

— Но я завтра уезжаю в другой город на практику, я учусь в ж д техникуме, — ответила она почти шепотом.

Влад едва заметно улыбнулся, словно это препятствие только подзадорило его.

— Я завтра еду на машине мимо твоего города... Давай я тебя довезу, — предложил он, не сводя с неё глаз. — Заодно поговорим.

Лана подняла взгляд. Его глаза, темные и сосредоточенные, не оставляли ей возможности для отказа. В них читалось то, что он не хотел озвучивать словами. Она кивнула, едва слышно прошептав:

— Хорошо.

В этот момент Влад наклонился. Его поцелуй был неожиданным, легким, не таким как первый, но обжигающим. Это был поцелуй-обещание, поцелуй-открытие. Лана почувствовала, как земля снова уходит из-под ног, а все тревоги этого дня — разбитая посуда, крики дяди, горечь чужого молчания — растворились в одном этом мгновении. Он отстранился так же быстро, как и приблизился, оставив её в смятении.

— Завтра в восемь? — спросил он уже тише.

— В восемь, — эхом отозвалась она.

Они разошлись.

Оказавшись в своей комнате, она долго не могла заставить себя уснуть. В темноте, она снова и снова прокручивала в голове этот момент у подъезда. Она касалась пальцами губ, все еще чувствуя тепло его дыхания.

Сон не шел. Мысли путались, сталкиваясь друг с другом: *это действительно происходит со мной? Я, наверное, сошла с ума? Я ведь никогда, никому с первого свидания, не позволяла себя целовать. Хотя это было не свидание. А что это вообще было? Он знакомый, но не близко знакомый. А кто он теперь? Но* каждое воспоминание о его взгляде, о его уверенности, о том, как легко он перечеркнул её страхи своим предложением, заставляло сердце замирать. В её сознании этот поцелуй стал центром вселенной, вокруг которого вращались опасения перед завтрашним днем и дерзкое предвкушение чего-то большого, что ждало её впереди.

Лана ворочалась с боку на бок, пытаясь успокоить дыхание, но с каждой минутой только все глубже погружалась в воспоминание об этом вечере. До рассвета оставались считанные часы, а она так и не сомкнула глаз, чувствуя, как внутри зарождается что-то, с чем ей — она уже знала это наверняка — придется считаться всю оставшуюся жизнь.

Раннее утро встретило Лану серым, пробирающим до костей туманом. Когда Влад заехал за ней ровно в восемь, она уже стояла у подъезда, но всё внутри у нее сжалось от разочарования: за рулем сидел отчим Влада.

Все планы на «откровенный разговор» рассыпались в прах.

- Доброе утро- поздоровалась Лана, устроившись на заднем сиденье, стараясь стать как можно меньше. Она не успела привести себя в порядок, чувствовала себя блеклой и уязвимой.

Одна мысль о том, что Влад сейчас видит её такой — не выспавшейся, после сегодняшней бессонной ночи, без макияжа — жгла её изнутри. Она уткнулась взглядом в окно, наблюдая, как мимо пролетают размытые силуэты деревьев. «Хорошо, что ехать не далеко. Час я выдержу» — думала про себя Лана.

Влад, сидящий на переднем сиденье, украдкой поглядывал в зеркало заднего вида. Он не узнавал ту девушку, которая вчера вечером светила, словно маленькое солнце, выделяясь среди всех своей уверенностью и дерзостью. Сегодня она казалась ему серой, притихшей тенью. «Неужели я поторопился с поцелуем?» — с тревогой думал он, ощущая, как возникшая между ними искра затихает под гнетом неловкости.

- Лана с тобой все в порядке? - обеспокоено спросил он

- Да, просто не выспалась.

Так продолжалась эта поездка: они обменивались лишь дежурными фразами, вежливыми и пустыми, словно пытаясь заполнить ими холод, поселившийся в салоне автомобиля.

Когда машина остановилась у здания общежития, короткое прощание вышло скомканным и сухим.

- Спасибо что подвезли. Хорошего дня- Лана поспешно выскочила из машины, едва кивнув Владу, не в силах встретиться с ним взглядом. Она боялась, что в его глазах прочтает разочарование, а она была к этому не готова. Влад, в свою очередь, принял это за холодность, решив, что вчерашний порыв был ошибкой.

Так они расстались, оставив всё недосказанным.

Стоило Лане переступить порог общежития, как она словно шагнула в совершенно иное измерение. Здесь всё дышало хаосом и молодостью: бесконечный гул голосов в коридорах, ароматами дешевого дезодоранта и тревожным ожиданием грядущих экзаменов. Студенческая суета, всепоглощающая, накрыла её с головой.

Дни начали стремительно сменять друг друга. Лана не заметила, как недели, поначалу полные суетливого ритма, незаметно превратились в месяцы. Она с головой ушла в практику: дни напролет проводила на ж д станции, пытаясь применить те знания, которые два года терпеливо собирала в техникуме. На какое-то время даже забыла о своей недавней поездке и о тех мыслях, что жгли ее изнутри, о Владе. Прошрое, казалось, отступило, растворившись в бесконечных дедайнах и учебных буднях.

Однажды наставник, пожилой железнодорожник с цепким взглядом, подписывая документы, не поднимая глаз, обратился к Лане.

— Ну что, Лана, — проговорил он, ставя визу на очередном листе. — Как практика? Скажи честно, не разочаровалась? Работа дежурного по станции — это не романтика с вагонами, это нервы, таблицы и постоянная ответственность за составы. Почему ты выбрала именно этот путь?

Лана поправила волосы, чувствуя, как внутри разливается знакомое тепло. Ей нравилось это чувство — быть частью огромного, четкого механизма, где от одного твоего решения зависит движение целой стальной артерии.

— Мне нравится этот ритм, — ответила она уверенно. — В нем есть какая-то честная ясность. Когда я смотрю на пульт, на движение стрелок, я понимаю: здесь всё работает по правилам и, если ты внимательна — результат будет безупречным. Это дает ощущение почвы под ногами, которой мне порой так не хватает в обычной жизни. Может быть, эта работа меня дисциплинирует. Сделает более приземленное.

Наставник на мгновение отвлекся от бумаг и посмотрел на неё внимательнее.

— Планы грандиозные? Или просто «пересидеть» пока?

— Нет, не пересидеть, — Лана чуть подалась вперед. — Я твердо решила: иду на красный диплом. И я обязательно устроюсь на станцию. Пускай для начала на маленькую, где-нибудь на периферии, где нужно вникать во всё с нуля. Мне нужно понять эту «кухню» изнутри. А

потом — обязательно институт. Я вижу себя не просто дежурной, я хочу подняться выше, в управление. Может, даже в министерство. Хочу управлять процессами, а не просто следить за ними.

Наставник хмыкнул, но в его глазах промелькнуло одобрение.

— Амбициозно. Главное, чтобы эти «крылья» не обрезали раньше времени. Железная дорога любит усердных, но она требует жертв, Лана. Ты готова?

— Я готова учиться, — ответила она, глядя прямо на него. — И я умею летать, даже если кажется, что вокруг только рельсы и шпалы.

— А если не будет красного диплома? — наставник прищурился, внимательно наблюдая за реакцией Ланы. В его голосе не было подвоха, скорее, профессиональное любопытство.

Лана на минуту замолчала. В голове пронеслись школьные годы: тогда, в одиннадцатом классе, она совсем не мечтала о железной дороге. Это был выбор родителей, их видение её будущего, с которым Лане пришлось смириться. Она приняла правила игры и, чтобы не чувствовать себя заложницей чужих амбиций, сама наметила для себя высокую планку. Техникум стал её личным проектом, её «стройкой», где красный диплом был просто логичной отметкой качества.

Но вопрос наставника ударил в неприкрытую зону. Лана никогда не позволяла себе проигрывать сценарий неудачи. Она жила по принципу: если есть задача — есть решение, а если нет результата — значит, нужно просто идти дальше.

— Знаете, — ответила Лана, глядя ему прямо в глаза, — я об этом подумаю, если это случится. Сейчас моя задача — сделать всё, чтобы диплом был. А строить планы на случай поражения... мне кажется, это только отнимает силы, которые нужны для победы.

Наставник хмыкнул, и в его взгляде Лана впервые прочитала не просто педагогическую строгость, а искреннее уважение.

Днем Лана была на станции, а по вечерам, садилась за дипломную работу.

В эти бесконечные, однообразные будни Влад иногда всплывал в её памяти — как неясный образ, как эхо того теплого сентябрьского вечера. Но учеба и ответственность за свое будущее быстро стирали эти воспоминания, словно засыпая их песком. Влад постепенно «закрылся» её студенческой жизнью, отступив на второй план.

А также учеба вытеснила и другие стороны жизни.

— Лан, да хорош тебе! — звонкий голос Ирины, одноклассницы, вырвал её из оцепенения над конспектами. — Ты опять за свои таблицы? Мы сегодня на дискотеку собираемся, там парни из параллельного будут, а ты всё зубришь.

Ира плюхнулась на соседний стул, бесцеремонно закрывая учебник Ланы.

— Молодость же, Лан! Она сейчас, прямо под носом утекает, как вода сквозь пальцы, пока ты тут с этой сигнализацией и централизацией возишься. Нагуляться надо, с мальчишками пофлиртовать, а не вот это вот всё.

Лана на мгновение замерла. В голове всплыло лицо Влада — его усмешка, его аромат, поцелуй... На секунду показалось, что она снова там, в мире, где важнее всего было просто «быть вместе». Но ощущение надежной твердости пульта дежурного, тут же перекрыло это видение.

Она спокойно потянулась и аккуратно отодвинула руку подруги, открывая страницу обратно.

— Знаешь, Ира, — негромко ответила Лана, даже не поднимая глаз от текста, — развлечения — это здорово. Но я сейчас думаю совсем о другом. О том, что будет, когда мы получим дипломы. Мне нужно заложить фундамент, чтобы потом не «догонять» жизнь, а управлять ею.

Ира фыркнула, покрутила пальцем у виска и упорхнула в коридор, смеясь над «странным» Ланой. А Лана снова погрузилась в работу. Она понимала то, чего не видела подруга: её жизнь

— это не просто будни, это прямой путь, и сходить с рельсов ради мимолетного развлечения она сейчас не была готова.

Но так было не всегда.

В конце ноября, когда небо давило серостью и погода отражала усталость от бесконечных отчетов и чертежей диплома, Лана решила на короткую поездку домой.

Вечером, узнав, что мама ведет дискотеку в клубе, она подумала, что немного танцев — это именно то лекарство, которое ей нужно, чтобы сбросить напряжение двух месяцев учебы.

Лана впервые за долгое время подошла к зеркалу не как к инструменту для быстрого приведения себя в порядок, а как к способу увидеть ту, другую Лану. Она перебрала шкаф, отсеивая практичные свитера и строгие брюки. Выбор пал на облегающее мини-платье, которое она почти не носила, боясь показаться слишком вызывающей.

Лана нанесла немного косметики, подчеркнув глаза, и распустила волосы, позволяя им свободно лечь на плечи. В отражении она увидела не студентку, а стройную, молодую девушку, чьи глаза, еще недавно уставшие от мелких шрифтов схем, теперь горели предвкушением. Ей хотелось забыть об учебе, о планах и ответственности, хотя бы на пару часов став просто легкой и беззаботной. В этот вечер она хотела чувствовать себя красивой, ловить взгляды и просто танцевать, пока музыка не заглушит этот бесконечный гул железнодорожных поездов в её голове.

В клубе, среди пульсирующего света и музыки, она почти сразу наткнулась на свою знакомую Кэт.

— Лана? Вот это сюрприз! — Кэт радостно потащила её за руку. — Идем, я тут с братом, познакомлю тебя!

Лана, расслабленная музыкой, позволила увлечь себя в сторону, где стоял брат Кэт. Но когда она подняла глаза, её сердце пропустило удар. Возле Кэт стоял Влад. Сегодня его образ говорил, что он пришел расслабиться. На нем была простая рубашка темно красного цвета, верхние пуговицы расстегнуты, рукава засучены до локтей и классические брюки, черного цвета. Этот образ не вероятно ему шёл, подчеркивая его мужественное тело.

Они замерли, глядя друг на друга. В глазах Влада читалось изумление:

— Лана? — Влад стоял всего в шаге, и его лицо выражало абсолютное, неприкрытое изумление. — Ты здесь? Не может быть... Я думал ты в другом городе, заваленная чертежами своего диплома.

Лана тоже удивленная встречей произнесла:

— Влад? — выдохнула она, и в её голосе звенело неподдельное удивление. — Что ты... как ты здесь оказался? Ты же говорил, что не любишь такие места.

— Я и не люблю, — Влад сделал шаг ближе, внимательно разглядывая её, словно пытался разгадать головоломку. — Но вот я здесь. И смотрю на тебя, пытаюсь понять: кто ты сегодня? Всё та же девочка, которая бросается на амбразуру, или кто-то, кто наконец-то научился ценить спокойствие?

У Ланы к лицу прильнул жар, но она не отвела взгляд. Её самолюбие, её гордость — всё это отступило перед простым желанием просто *видеть* его.

— Я... я сама не знаю, кто я сегодня, — призналась она, и её голос дрогнул. — Я просто очень устала от учебы и правильной жизни. Знаешь, эти два месяца были... как вечность.

- Ты давно приехала?

- Сегодня, а если быть точной два часа назад.

Влад смотрел на неё с такой внимательностью, что у Ланы перехватило дыхание.

— Значит, мы оба здесь, — сказал он наконец, протягивая руку. — Ни чертежей, ни «взрослых» проблем. Только музыка и... этот момент. Ты позволишь?

Лана посмотрела на его руку, затем снова в его карие, бездонные глаза. Она вложила свои пальцы в его ладонь.

— Позволю, — ответила она почти шепотом, и в этом слове было всё: и их долгая разлука, и невысказанное «я сучала», и желание наверстать всё то, что они упустили.

И музыка накрыла их с головой. Весь вечер они провели в танце, стараясь без лишних слов, на языке жестов и взглядов, заполнить ту пустоту, которую оставили два месяца молчания.

Музыка постепенно стихла. Лана и Влад направились в гардероб, где среди бесконечных рядов номерков и плотных тканей отыскивали свои вещи. Они вышли на прохладную улицу, чтобы отдышаться.

Свежий воздух мгновенно ударил в лицо, остужая разгоряченную после танцев кожу. Лана остановилась на ступенях, поправляя шарф, и подняла голову к небу. Облака быстро гнали перед собой тусклый свет далеких фонарей. Она вдруг остро почувствовала, как неумолимо изменилось всё вокруг, пока она была занята своими чертежами и учебой.

— Знаешь, — нарушил молчание Влад, глядя на Лану с той же мягкой пронизательностью, что и в первый день их знакомства. — Я часто думал о той поездке в сентябре. Мне казалось, что после моего... неуместного поцелуя ты закрылась от меня, как от назойливого поклонника.

— Я не закрывалась, Влад, — тихо ответила она. — Я просто испугалась. В то утро, в машине, я чувствовала себя такой маленькой, неухоженной и совершенно не готовой к серьезному разговору. Мне казалось, что если я начну говорить, то разрушу тот образ «уверенной в себе девушки», который так старательно создавала.

Влад сделал шаг ближе, внимательно слушая каждое слово.

— А я ведь тогда решил, что ты просто передумала, — с легкой грустью признался он. — И решил не давить, чтобы не испортить то небольшое, что между нами возникло. Я не знал, что ты тоже переживала о том, как выглядишь в моих глазах.

— Мы оба тогда «спрятались» за тишиной, — Лана улыбнулась. А про себя подумала: «Я уехала на практику, думала, что диплом и работа — это всё, что мне нужно на данном этапе жизни. Но теперь я понимаю, что просто бежала от того, что не могла до конца осознать».

— Значит, теперь мы не будем молчать? — Влад взял её за руку, и посмотрел ей в глаза.

— Нет, — твердо ответила Лана. — Теперь мы будем разговаривать.

Лана была готова принять последствия этого выбора.

- Я хочу сделать тебе сюрприз. — вдруг неожиданно сказал Влад. И в его глазах блеснул озорной огонек. -Завтра утром я за тобой заеду, оденюсь потеплее.

Музыка продолжала на дискотеке греметь, но слова Влада прозвучали для Ланы так как будто мир вокруг вдруг замер. Два месяца тишины. Два месяца, в течение которых она училась засыпать без мыслей о том, где он и с кем. И вот он здесь, стоит на расстоянии вытянутой руки, всё такой же — с этой его чуть дерзкой улыбкой.

Лана сделала шаг назад, чувствуя, как в груди сплетаются в тугий узел любопытство.

— Сюрприз? — повторила она, и в её голосе промелькнула тень скепсиса. — Влад, мы не виделись два месяца. Ты просто подходишь ко мне на танцполе и предлагаешь куда-то ехать? Ты считаешь, это нормально? — с недоверием продолжила Лана.

Влад, не отводя взгляд от Ланы, подошел к ней ближе, почти вплотную. Его глаза, в которых всегда была опасная искра, сейчас казались более серьезными, чем она ожидала.

— Вот именно, что мы не виделись целых два месяца — тихо произнес он. — И я знаю, что это ненормально. Но я не могу ждать. Я долго думал об этом моменте. Пожалуйста, Лана. Просто дай мне шанс показать тебе кое-что. Одно утро. Если тебе не понравится — я больше не потревожу тебя, обещаю.

Лана смотрела на него, его настойчивость пугала и притягивала одновременно.

— «Оденься потеплее», — прошептала она, словно пробуя слова на вкус. — Куда мы собираемся, Влад? Это не похоже на обычную прогулку- в её голосе была настороженность.

Он улыбнулся:

— Это будет место, где нас никто не найдет. Где не нужно будет играть роли, — он чуть наклонился к её уху. — В девять утра у твоего подъезда. И не опаздывай, я не хочу терять ни минуты.

Не дожидаясь ответа, Влад развернулся и, не оглядываясь, растворился в танцующей толпе, потянув за собой Лану в эпицентр этой шумной, хаотичной ночи. Идя за ним смотря на его аккуратно постриженный затылок, в ней снова загоралась знакомое, опасное предвкушение. Она уже знала, что будет завтра в девять ждать его у подъезда.

Лана стояла у окна, глядя, как фонари окрашивают ноябрьские сумерки в тускло-оранжевый цвет. Она жила здесь с самого детства, и каждый поворот, каждый переулочек был пропитан воспоминаниями — об учебе, о бессонных ночах перед экзаменами в школе, о стремлении стать кем-то значимым.

Сегодня появились новые воспоминания и внутри всё дрожало от предвкушения. Влад обещал сюрприз, и эта загадочность заставляла сердце биться чаще, чем когда-либо от самых сложных графиков движения поездов. Она окинула взглядом комнату. «Ей нужно было одеться теплее. Что он придумал?» — пронеслось в голове. Влад умел нарушить её размеренный ритм. Даже с утра, он умудрялся внести в её жизнь хаос, который, как ни странно, пугал её меньше, чем эта бесконечная, предсказуемая стабильность. Но «незнание» не вызывало тревоги. Напротив — оно манило.

Поляна тишины

На следующее утро, когда воздух еще был пропитан влажным ноябрьским холодом, Влад заехал за Ланой. Но вместо привычной машины к её дому подкатил тяжелый, мощно рокочущий мотоцикл. Рокот двигателя, нарушивший привычную тишину, стал для Ланы полной неожиданностью.

— Влад? — выдохнула она, округлив глаза от удивления — Очень неожиданно! Я думала мы на машине поедем?

Влад, сидевший в седле в черной кожаной куртке, заливисто рассмеялся.

— Машина? Нет, сегодня не обычное свидание — он подмигнул ей. — Если тебе страшно или хочется больше комфорта, можем, конечно, поискать карету с кучером, но боюсь, она сегодня не заказывалась.

Лана невольно улыбнулась. Влад протянул ей шлем.

— Держи. Это не карета, конечно, но безопасность превыше всего. Надень, а то ветер быстро выветрит из головы, все твои знания, полученные в техникуме.

Она подошла ближе, принимая шлем. Влад помог ей с застежкой — его пальцы на мгновение задержались у её подбородка, и этот короткий контакт оказался неожиданно волнующим.

щим, заставив Лану забыть о недавних сомнениях. В его движениях сквозила уверенная решительность, которой она не могла не подчиниться.

— Я решил, что тебе нужно увидеть одно место, а туда на машине не добраться — сказал он, уже более серьезно. Но его глаза блестели от предвкушения.

— Это где? — спросила Лана, чувствуя, как в груди замирает сердце.

— Увидишь, когда приедем, — загадочно улыбнулся он. — Держись крепче, — бросил он с легкой, почти мальчишеской усмешкой, прежде чем занять свое место.

Когда она села позади, обхватив его за талию, её охватило странное чувство — тепла и близости.

Они рванули с места.

Лана чувствовала, как встречный ветер бьет в лицо, но внутри неё, вопреки холоду, разливалось странное тепло. Ей было приятно прижиматься к его спине, чувствовать надежность его плеч. Скорость пьянила, даря редкое, почти забытое чувство абсолютной свободы — будто здесь, в это мгновение, не существовало ни прошлого, ни обязательств, ни чужих мнений.

Они мчались через осенний лес, где деревья стояли голыми скелетами, а земля уже не знала мягкой зелени травы. Но этот пейзаж не казался унылым — в нем была своя суровая, первозданная красота. Лес казался застывшим в ожидании чего-то неизбежного. Деревья, давно сбросившие свое яркое убранство, стояли серыми и черными, словно графические наброски на фоне блеклого, свинцового неба. Воздух стал прозрачным и колючим, пропитанным запахом прелой листвы и первых ледяных заморозков, которые по ночам превращали лужи в ломкое стекло. Ни шелеста, ни пения птиц — только глубокая, звенящая тишина, в которой каждый шаг отдавался глухим эхом.

В самом сердце этого безмолвия пряталась поляна. Со всех сторон её плотной стеной обступали ели и сосны — угрюмые, тяжелые, присыпанные кое-где ранним, серым снегом. Они казались стражами, охраняющими этот клочок земли от остального мира. Поляна выглядела как заброшенная сцена: пожелтевшая трава, прижатая к земле инеем, выглядела серебристой, а в центре, среди замерзшей тишины, отчетливо ощущалось, как время здесь словно остановилось. Глухое кольцо леса отсекало любые мысли о шумных дорогах или городской суете, оставляя один на один с этим холодным, но по-своему завораживающим великолепием.

— Вот мы и приехали, — произнес Влад, соскакивая с мотоцикла.

Лана тоже уже приготовилась сойти, но он жестом остановил её. Он плавно, почти бережно, снял с её головы шлем. В его взгляде, который он устремил на неё, читалось нечто большее, чем просто ожидание. Он наклонился и накрыл её губы страстным, жадным поцелуем, словно пытаясь без слов передать всё то, что не мог высказать за долгие месяцы молчания.

Его руки — сильные, горячие — сжали её талию так, будто он хотел оставить на ней свой отпечаток.

Мир вокруг перестал существовать, уступив место **сладкому предвкушению**. Лес, холодный ноябрьский воздух, шум мотора, её спокойствие — всё это рассыпалось, как картонный домик. Внутри разливался жар, не имеющий ничего общего с теплом солнца; это был пожар, который разгорался с каждой секундой.

От него пахло бензином, кожей и тем неуловимым мужским ароматом, от которого у неё кружилась голова. Влад отстранился лишь на долю дюйма, его дыхание опаляло её губы:

— Лана, ты свела меня с ума тем первым поцелуем, — его голос звучал хрипло, низко, вибрируя где-то в самой глубине её груди. — Я пытался выбросить тебя из головы, но все эти два месяца ты стояла перед глазами. Я не мог ни спать, ни думать — только хотел снова почувствовать твои губы.

Лана молчала. В её сознании, еще недавно занятом чертежами и сухими цифрами, сейчас не было места для слов. Она судорожно вцепилась в рукава его куртки, чувствуя, как внутри

нарастает пульсация. Она знала, что должна что-то ответить, что где-то там, за пределами этой поляны, её ждет совсем другая жизнь, но сейчас... сейчас это не имело значения.

Её охватило странное, почти пугающее чувство: признаться? Признаться, что её собственные воспоминания стерлись за учебой? Нет, никогда. Она прижалась к нему еще теснее, доверчиво подставляя лицо под его новые поцелуи, позволяя этой страсти — бездумной, инстинктивной — захлестнуть её целиком. В тот миг, посреди осеннего леса, кровь в жилах буквально кипела, и единственным, что имело смысл, была эта обжигающая близость.

Наконец, Лана тихонько отстранилась, переводя дыхание, и обвела взглядом окружающий их покой. Тишина леса вдруг показалась ей почти осязаемой.

— Посмотри, — прошептала она, чуть улыбнувшись и указывая рукой на притихшее пространство между деревьями. — Кажется, само время здесь остановилось, чтобы дать нам передышку.

Влад бережно придержал Лану за талию, помогая спрыгнуть с мотоцикла.

Они медленно шли по сухой, подготовившей к зиме поляне. Воздух был пропитан запахом хвои.

— Хочу открыть тебе мою тайну, — начала Лана, не глядя на Влада, — у меня сейчас жизнь — как будто в клетке. ЖД техникум, практика, бесконечные чертежи — это всё не моё. Я чувствую, что создана для другого, для большого города. Там жизнь пульсирует, там у каждого есть шанс стать кем-то значимым. Я не могу просто плыть по течению, как все. Мне нужно всё. Пословица «Лучше быть первым в деревне, чем последним в городе» не про меня. Я не ищу стабильности, я хочу развиваться и двигаться вперед. Понимаешь?

Она остановилась, её глаза горели тем самым неистовым огнем, который Влад видел в самом начале. Для неё этот мир был лишь площадкой для старта.

Влад слушал её, спрятав руки в карманы куртки. Его лицо было спокойным, почти застывшим. Он смотрел на Лану как на красивое, но разрушительное стихийное бедствие.

— Ты говоришь об амбициях так, будто это единственное, что имеет значение, — тихо ответил он, и в его голосе не было ни капли того азарта, который жил в Лане. — А я уже был там, где ты хочешь оказаться. Я гнался за всем сразу, жил на пределе, пока не понял, что за этой гонкой теряешь себя. Я был женат, Лана. Слишком рано, слишком импульсивно. Я пытался построить карьеру, успех, статус, а в итоге рухнуло всё.

Он на секунду замолчал, глядя на верхушки сосен.

— У меня есть дочь, ей три года, — продолжил он, и этот факт прозвучал как точка в конце его прошлой, «успешной» жизни. — Развод выжег из меня всё желание что-то кому-то доказывать. Теперь мне нужно лишь одно — спокойствие. Я больше не хочу никуда бежать.

Лана смотрела на него, пытаясь осознать его слова. В её голове — города, огни, головокружительная карьера, мир, который ждет её. В его словах — груз ответственности, боль прошлых ошибок и усталость человека, который хочет лишь укрыться от бури.

Они стояли рядом, но это была не просто физическая близость — это была граница между двумя мирами: миром того, кто только начинает свой шторм, и миром того, кто пытается удержаться на плаву после кораблекрушения.

Это место словно само подталкивало к искренности. В тишине, где слышалось только их дыхание, они без остатка делились друг с другом тем сокровенным, что копилось месяцами. Слова лились легко, говорили и о важном и нет, забыв о времени и о мире вокруг, и лишь сгустившиеся сумерки напомнили, что день подошел к концу.

Когда они вернулись к дому Ланы, холодный ноябрьский вечер уже окончательно вступил в свои права. Лана, всё еще ощущая на губах привкус их страсти, спустилась с мотоцикла, чувствуя, как дрожат колени — не от холода, а от того, что мир вокруг казался до странности обыденным и мелким.

Влад заглушил мотор, и тишина улицы, нарушаемая лишь потрескиванием остывающего металла, показалась ей оглушительной. Лана сняла шлем, посмотрела на него — на человека, который за два дня перевернул её привычный, структурированный мир.

Её первая фраза, брошенная ему, когда она, наконец, снова оказалась на твердой земле, была попыткой вернуть себе равновесие:

— Ты ведь понимаешь, что завтра я уезжаю обратно, и всё будет как прежде?

Она сказала это, пытаясь звучать твердо, как та Лана, что до вчерашнего дня жила лишь дипломом и карьерой. Но в её голосе, помимо воли, проскользнула нотка неуверенности — она уже знала, что «как прежде» больше не будет.

Влад шагнул ближе, его взгляд был тяжелым и пристальным.

— Ты правда веришь, что после того, что было, можно вернуться к «как прежде»? — спросил он, и в его голосе прозвучало нечто большее, чем просто физическое желание.

Влад сделал шаг назад, давая ей чуть больше пространства, но его взгляд продолжал удерживать её, словно невидимая нить.

— Это был превосходный день, — тихо произнес он, и в его голосе проступила неожиданная мягкость. — Спасибо, что провела его со мной. Я уверен, что каждый раз, закрывая глаза, ты будешь чувствовать этот ветер в волосах и то, как сильно ты прижималась ко мне, надеясь, что эта дорога никогда не закончится.

Лана замерла, впитывая каждое его слово. В сердце отозвалось странное, щемящее чувство — смесь облегчения и боли от того, что сказка вот-вот закончится.

— А я, — Влад слегка улыбнулся, и эта улыбка была почти печальной, — я буду мечтать, что снова увижу тебя. Что снова загляну в твои голубые глаза и почувствую всю страсть твоих губ.

Он подался вперед и коснулся её губ — не властно, как прежде, а удивительно нежно, словно пытаясь запечатлеть этот момент в памяти навсегда. Этот прощальный поцелуй был пропитан обещанием, которое не требовало слов.

Влад отпустил Лану, и это был самый лучший момент чтобы уйти, пока они оба не изменили своего решения. Не оборачиваясь, Лана зашла за дверь подъезда. Она медленно поднималась на второй этаж к своей квартире. Коснувшись своих губ, которые ещё хранили тепло его дыхания, она уже знала — Влад был прав. Она не забудет ничего: ни его губ, ни его карих, полных страсти глаз, ни того ощущения крепости и надежности его объятий. Мир вокруг казался прежним, но она сама — уже нет.

Есть ли что-то лучше?

Лана вернулась к практике, но привычный ритм жизни, который раньше казался ей единственно правильным, теперь давал сбои. Кабинеты, документы, планы на карьеру — всё это вдруг стало казаться декорациями в театре, в котором она больше не хочет играть главную роль.

В её мыслях, словно в калейдоскопе, постоянно сталкивались две картины, которые никак не складывались в единый узор.

С одной стороны — её амбиции: огни большого города, запах успеха, который она считала своим долгом завоевать, её стремление к движению, к покорению новых высот. Лана хотела управлять своей жизнью, она привыкла к четким целям.

С другой — Влад. Его спокойствие, граничащее с застоем, его привязанность к привычному укладу и, самое главное, его дочь. Лана болезненно осознала: если она останется с ним, она не просто станет частью его жизни — она станет частью его ответственности. Она видела ту невидимую, но осязаемую стену, которую Влад выстроил вокруг своего сердца после развода. Он искал тихой гавани, в то время как её душа требовала океанского шторма.

Сидя вечерами, Лана ловила себя на мысли, что вспоминает поляну. Слова Влада о спокойной жизни звучали в её голове как приговор их будущему.

«Он хочет покоя, — думала она, — а я хочу лететь вперед, даже если этот полет окажется опасным».

Она вспомнила, как после их расставания клялась себе, что никогда его не забудет. И это было правдой: она помнила всё — вкус его поцелуев, его крепкие руки, ощущение защищенности на мотоцикле. В сознании уложилась простая, но горькая правда: помнить — не значит быть вместе.

За эти недели, проведенные вдали от него, Лана пришла к выводу: их союз был бы лишь временным приключением. Красивым, ярким, но разрушительным для них обоих. Она не могла стать той, кто добровольно «заземлится», а он никогда бы не позволил себе сорваться с места, чтобы следовать за её мечтами.

Она приняла это решение с холодным спокойствием. Как прежде уже не будет — это было очевидно. Но теперь она понимала, что «как прежде» было бы лишь добровольной клеткой, которую она сама для себя построила бы, выбрав мужчину, чей жизненный путь уходил в сторону, прямо противоположную её собственной мечте. Слишком они разные и слишком не схожи у них планы на будущее.

Учеба выматывала. Месяцы, проведенные в общежитии, среди бесконечных лекций, казались Лане долгим марафоном, где она бежала, не оглядываясь. Но стоило ей переступить порог родного дома, как всё напряжение, копившееся неделями, мгновенно испарялось. Здесь, в этих стенах, время словно текло иначе — медленнее и бережнее.

Каждый раз возвращаясь домой, Лана медленно шла по коридору, касаясь пальцами обоев, которые, казалось, впитали в себя все звуки её детства. Каждая комната была хранилищем воспоминаний. Она обходила комнату за комнатой, словно здороваясь с каждой из них, и с каждым шагом чувствовала, как на душе становится всё спокойнее.

И приезд домой в декабре, на каникулы, был не исключением. В этот раз, ритуал навеял воспоминания через кухню.

Она зашла на кухню, и её встретил тот самый, единственный и неповторимый запах — маминой выпечки. На столе возвышался целый тазик с горячими, еще пышущими паром булочками. Лана замерла на пороге, прикрыв глаза. Перед глазами, как живая, всплыла картина из прошлого: вот отец, уставший после поездки, снимает свою рабочую одежду водителя, пропахнувшую бензином, и вешает её на крючок, мама ставит на стол четыре кружки, и они все сидят за столом, такие близкие и родные.

В тот момент не было ни дедлайнов, ни страха перед предстоящими экзаменами, ни тревожных мыслей о том, правильный ли путь она выбрала. Было только это простое, осязаемое тепло семейного очага, которое давало силы двигаться дальше.

Лана выдохнула, чувствуя, как внутри разливается покой. Она снова дома. И именно здесь, среди этого уюта, она могла наконец-то быть собой, прежде чем снова окунуться в круговорот будней.

Лана замерла на пороге кухни, вдыхая знакомый аромат уюта. В этот момент ее позвала мама.

— Ну что ты встала в дверях, как гостя? Проходи скорее, — мама обернулась и тепло улыбнулась. — Я знала, что ты приедешь, и приготовила твоё любимое: картофельное пюре с котлетками. Садись, пока горячее.

Лана смотрела на неё и чувствовала, как к горлу подкатывает ком. Мама была очень энергичной и казалось, что на ней не отразились страдания прожитых лет — особенно - измена отца. Сейчас, в свете кухонной лампы, Лана видела перед собой не просто женщину, на чью долю выпало столько испытаний. Она видела, как мама, несмотря на всё перенесенное, оставалась удивительно молодой, какой-то по-особенному красивой и светлой.

В этой её простой заботе, в том, как она беспокоилась о том, чтобы дочь поела, было столько бескорыстной любви, что Лане стало стыдно за свои недавние мысли о том, что она «выросла» из этого дома. В этот миг никакие профессиональные амбиции, никакие планы на карьеру в управлении железной дорогой не казались важнее этого тепла. Мамина забота была самой лучшей на свете, единственным местом, где её не оценивали по результатам, а просто любили — такой, какая она есть.

— Мам, — тихо отозвалась Лана, делая шаг навстречу, — как же я скучала по дому.

Здесь, в уюте родительского дома, Лана наконец позволила себе выдохнуть. Она сознательно выбрала стратегию отчуждения: никакой информации о Владе, никаких попыток восстановить связь, никаких мыслей о том, что между ними произошло, никаких разговоров. Она хотела вычеркнуть его, превратить в воспоминание, не имеющее веса. Но, как часто бывает, жизнь имела свои планы на её счет. Однажды вечером, ища смены обстановки, она отправилась на дискотеку в клуб, где работала её мама.

Лана стояла у входа, полностью погрузившись в ритмичный бит дискотеки, от которого пульсировало в висках.

В центре зала, в ореоле клубного света, вдруг она увидела его. Влад выглядел иначе — растрепанный, с хмельной полуулыбкой на губах, он обнимал за талии двух девушек, которые что-то громко ему кричали, пытаясь перекрыть музыку.

В этот момент внутри Ланы что-то окончательно щелкнуло. Ей стало противно — не столько от его поведения, сколько от собственных недавних чувства к этому человеку.

«Значит, вот твой предел, — подумала она, глядя, как он запрокидывает голову в смехе. — Вот твоё “спокойствие”».

Лана ощутила глубокое удовлетворение от своего решения не искать встреч — это был правильный выбор.

Эти каникулы превратились для неё в бесконечный марафон веселья: она танцевала до рассвета, она впервые за долгое время позволила себе быть по-настоящему безрассудной: однажды они с компанией решили ночью выбраться за город, к заброшенной вышке на вершине холма. Лана, смеялась над собой, как она зимой в зимней одежде, карабкается по скрипучим металлическим лестницам вслед за остальными. На самом верху, когда город внизу превратился в россыпь крошечных светящихся огоньков, она рассмеялась — искренне, звонко, совершенно не боясь высоты или того, что будет завтра. Да и спуск был не менее смешным.

Знакомства с новыми людьми случались легко и непринужденно. Лана болтала в гостях у новых знакомых о кино, о музыке, о глупых городских легендах, чувствуя себя частью этого шумного, яркого мира. В те моменты, когда она смеялась над чьей-то шуткой, в её груди не оставалось места для тяжелых воспоминаний. Она жила так, словно Влада никогда не существовало — или, по крайней мере, так, словно его образ был лишь далеким, почти стершимся из памяти черно-белым кадром из фильма, который она давным-давно досмотрела. Лана вдыхала эту свободу полной грудью, жадно, как человек, долго пробывший под водой, и с каждым днем это ощущение «новой себя» становилось всё реальнее. Она стала экспертом в том, чтобы выбирать компании и места, где его присутствие было исключено.

Но все, и хорошее, и плохое, когда-нибудь заканчивается.

Так праздники прошли, а это значило что и каникулы подходили к концу. До отъезда Ланы оставалось всего два дня. Она вышла в магазин и совершенно неожиданно столкнулась со своей знакомой Кэт.

- О Лана, как я рада тебя встретить. Слушай давненько мы с тобой не общались. Приходи сегодня вечером ко мне попьем чайку, поболтаем.-Кэт, не раздумывая, позвала Лану

- Привет. Отличная идея. Я приду. - Поскольку у Ланы не было никаких планов на вечер, она решила согласиться.

Они жили совсем рядом.

Когда Лана зашла в подъезд и поднялась на второй этаж, то увидела, что дверь в квартиру Кэт приоткрыта. Она вошла внутрь и окрикнула хозяйку:

- Кэт. Есть кто дома? Я вхожу, надеюсь все в порядке.

Но в ответ не дождалась ни звука. Пройдя в комнату, она замерла: там, на диване, сидел Влад.

Он смотрел на неё с выражением, в котором смешивались серьезность и легкая ирония.

— Привет, а где Кэт? — удивленно спросила Лана, не понимая, что происходит.

— Её здесь нет. Это я попросил её тебя позвать, — спокойно ответил Влад.

— Что?! — удивление Ланы стремительно росло, превращаясь в возмущение.

— Ты приехала давно, но так и не встретила со мной. Я решил, что мне нужно самому организовать нашу встречу, — сказал Влад с наигранной легкостью, медленно подходя к ней.

У Ланы внутри начал закипать гнев, она не понимала, зачем всё это.

— Зачем тебе это нужно? — бросила она с вызовом. — Я думала, ты очень хорошо расслабляешься с двумя куклами на дискотеке!

Влад на мгновение замолчал, глядя на неё прямо и серьезно.

— Тогда, на дискотеке, я видел тебя. У нас был корпоратив, и те девушки — просто мои сотрудницы. Если бы ты осталась тогда, то увидела бы, что мы просто фотографировались, сделали снимок, посмеялись и разошлись. Я пошел найти тебя, но ты пропала. Вот и вся история, — объяснил он. — Неужели ты действительно считаешь, что я сегодня с одной, а завтра с другой?

Лана молчала. Смесь злости, обиды и неожиданного облегчения лишила её дара речи, и она не знала, что ответить на его слова. Вглядываясь в лицо Влада, внутри неё боролись две силы: одна требовала развернуться и уйти, хлопнув дверью — чтобы сохранить лицо, чтобы доказать самой себе, что она не игрушка в его руках. Вторая... вторая остаться и с жадностью впитывала каждое его слово, чувствуя, как недавнее раздражение испаряется, оставляя место странному, почти болезненному спокойствию.

— Ты считаешь себя вправе распоряжаться моим временем? — наконец произнесла она, и её голос прозвучал тише, чем она хотела. — Ты не имел права использовать Кэт, чтобы заманить меня сюда. Это... это было низко, Влад.

Она подняла на него глаза, ожидая оправданий или новой порции иронии, но Влад лишь сделал еще один шаг, сокращая расстояние до минимума. Его голос стал глубже, утратив всю наигранность.

— Я сделал это, потому что ты пряталась от меня, Лана. Ты строила вокруг себя стены, выбирала маршруты, где меня нет, и смотрела сквозь меня, как будто я — пустое место. Я не мог позволить тебе уехать, не сказав этого.

Лана хотела отвернуться, но его взгляд держал её крепче всяких оков.

— А если бы я не пришла? — спросила она почти шепотом.

— Я бы нашел другой способ, — просто ответил он, и в этом ответе не было хвастовства — только пугающая, концентрированная решимость.

Лана не ответила. Слова казались бессмысленными. Она смотрела на него, пытаясь найти в его глазах хоть каплю лжи, но видела лишь то же самое болезненное желание, которое жгло её саму все эти недели.

Влад не выдержал первым. Он подошел к ней, и в его движениях не осталось прежней ироничной легкости. Он начал целовать её — настойчиво, страстно, словно пытаясь украденным временем наверстать все дни разлуки. В этих поцелуях было столько горечи и отчаянного голода, что Лана поняла: он скучал не меньше её. Она слышала, как он шептал что-то нежное, почти сбивчиво, называя её своим «цыпленком» — это нелепое, почти детское прозвище вдруг отозвалось в ней теплом, которого она не ожидала.

Лана опьянела без вина. Весь её мир, такой четкий и структурированный, где она была хозяйкой положения, внезапно поплыл. Как она могла позволить себе думать, что это просто «приключение»? Как могла обесценивать то, что заставляло её сердце биться с такой бешеной скоростью? Она полностью отдалась этим чувствам, этим желанным ощущениям, которые она до этого момента боялась даже допустить в свою жизнь.

Когда Влад отстранился, тяжело дыша, и попросил её остаться на ночь, в её голове не осталось ни капли сомнения. Все её планы, амбиции, страх перед будущим и гордость — всё это отступило перед простым, животным желанием быть с ним.

— Я останусь, — тихо, но твердо ответила Лана, понимая, что этот выбор — её первый настоящий шаг в ту самую взрослую жизнь, о которой она так много думала.

Утро пробивалось сквозь неплотно задернутые шторы серым зимним светом. Лана проснулась первой. Она лежала, не шевелясь, прислушиваясь к мирному дыханию Влада, и впервые за долгое время чувствовала странную, непривычную тишину внутри себя. Вчерашняя решимость «использовать» его как приключение сменилась чем-то гораздо более глубоким и, если честно, пугающим.

Она осторожно повернулась, рассматривая его лицо — расслабленное, лишенное той привычной ироничной маски, которую он носил в мире людей. Её мир изменился. Теперь, между ними не осталось недосказанности. Она больше не была одна в своей погоне за успехом.

Влад пошевелился и открыл глаза, сразу нашедшие её взгляд. В его взгляде не было той требовательности, что была ночью — только спокойная, почти земная нежность.

— Не жалеешь? — тихо спросил он, протягивая руку и убирая прядь волос с её лица.

Лана на секунду задумалась. Еще вчера она бы ответила что-то в духе своих амбициозных планов, что-то, что подчеркивало бы её независимость. Но сейчас она просто покачала головой.

— Нет, — ответила она, и этот ответ был самым честным, что она произносила за всё время после той злополучной дискотеки. — Просто... мне теперь нужно заново учиться жить. У меня были другие планы на этот год.

— Планы можно изменить, — отозвался Влад, притягивая её ближе. — Главное — теперь ты знаешь, чего хочешь на самом деле.

- Да, о планах. Давай я схожу домой предупрежу маму, и мы проведем день вместе. Я же завтра уезжаю до марта. Хочу лучше тебя узнать.

- Потрясающий план. Тогда давай осуществим его. Я приготовлю завтрак. Часа тебе хватит сходить домой? Дольше я не переживу разлуку- подмигнул Влад.

Завтрак был простым: горячий крепкий чай и бутерброды. Поели быстро, словно боясь, что само время может украсть у них этот момент. В воздухе висело предвкушение, которое не требовало лишних слов.

Лана поспешила домой. Дома было тихо — мама куда-то ушла. Она быстро собралась, быстро набросала записку, стараясь не вдаваться в объяснения, лишь коротко черкнула: «Мам, буду поздно. Не волнуйся». И почти бегом вернулась обратно.

Влад уже ждал у квартиры. Он выглядел таким собранным и в то же время спокойным, словно именно этот день был для него не менее важным, чем для Ланы.

- Я подумал, чтобы ты меня лучше узнала тебе нужно побывать у меня дома, без отвлечений мы лучше друг друга узнаем. Согласна? - Влад лукаво подмигнул, и на душе сразу стало светлее.

- На все 100. - в тон Владу ответила Лана.

Дверь тихо скрипнула, открывая вид на небольшую прихожую, залитую мягким дневным светом. Лана переступила порог, чувствуя себя немного не в своей тарелке — всё-таки она впервые была здесь, в «крепости» Влада. Но стоило ей вдохнуть воздух квартиры, как волнение сменилось странным, почти забытым теплом. Здесь пахло старыми книгами, крепким кофе и.. чем-то неуловимо уютным, будто здесь всегда ждали именно её.

Влад закрыл за ней дверь, и в пространстве квартиры стало как-то совсем по-домашнему тихо.

— Здесь... необычно, — тихо произнесла Лана, обводя взглядом гостиную. — Я думала, у тебя всё будет... строже. Как в офисе.

Влад усмехнулся, бросив ключи на тумбочку. Он прошел в центр комнаты и обернулся, внимательно наблюдая за её реакцией.

— Офис — это для внешнего мира, Лана. А это — то, что я не показываю никому. Тебе нравится?

Она прошла к окну, коснувшись пальцами мягкого пледа, небрежно брошенного на спинку кресла.

— Да, — она обернулась к нему, и в её глазах читалось искреннее удивление. — Это странно, но здесь очень... «по-домашнему». Будто я уже бывала здесь раньше. Как будто это место меня знает.

Влад подошел к ней ближе, его взгляд стал мягче, а привычная ирония исчезла.

— Может, потому что ты чувствуешь себя здесь на своем месте? — негромко спросил он, сокращая дистанцию. — Я не часто приглашаю сюда людей. Почти никогда.

Смотря на Влада у Ланы, внутри разливалось спокойствие. Этот вечер — не просто был продолжение их близости, а начало чего-то настоящего.

— Знаешь, — добавила она, едва заметно улыбнувшись, — здесь так тихо, что кажется, будто остальной мир просто перестал существовать. И мне это нравится.

День пролетел как один яркий, стремительный миг. У них не было планов, кроме как быть рядом, и эта свобода опьяняла больше, чем любой успех. Влад, которого Лана привыкла видеть собранным и даже немного суровым, словно сбросил с плеч невидимый тяжелый плащ. В его глазах поселились озорные искорки, а маска «серьезного мужчины» рассыпалась, обнажая того Влада, каким он мог быть только с ней.

Они оказались на кухне, пытаясь приготовить обед, что превратилось в настоящий хаос, полный смеха и подтруниваний.

— Ты серьезно собрался резать лук в этих очках? — Лана едва могла говорить от смеха, глядя, как Влад нацепил на нос её смешные солнцезащитные очки, найденные где-то в прихожей.

— Это стратегическая защита от слез, — невозмутимо парировал он, хотя уголки его губ предательски дрожали. — Моя репутация brutального мужчины не выдержит, если ты увидишь, как я плачу над луковицей.

— Поздно, — Лана не удержалась и, схватив полотенце, слегка хлопнула его по плечу. — Ты уже выглядишь как секретный агент, который провалил задание по кулинарии.

Влад резко обернулся, и в его глазах вспыхнул азарт. Он выхватил из её рук пакет с мукой, который она пыталась открыть, и, ловко увернувшись от её попытки забрать его обратно, начал пятиться к холодильнику.

— Агент на задании, — рассмеялся он, и этот звук — искренний, свободный — казался Лане самой прекрасной музыкой. — И он не отдаст провизию без боя!

Через минуту кухня была похожа на поле битвы: повсюду летела мука, они оба были перепачканы, но никто не спешил злиться. Лана чувствовала себя так, будто им снова по шестнадцать, и кроме этой кухни и их смеха в мире больше ничего не существует. Когда Влад, наконец, прижал её к столешнице, всё ещё смеясь, она поняла: именно в этот момент она узнала его настоящего. Он был не просто мужчиной, вызывающим трепет, он был тем, с кем можно делить не только страсть, но и самые простые, глупые моменты жизни.

Весь день Влад то и дело ловил себя на странном, почти навязчивом желании коснуться её. Ему казалось мало просто находиться рядом — хотелось постоянно чувствовать её присутствие физически: поправить выбившийся локон, переплести свои пальцы с её тонкими пальцами, на мгновение задержать руку на её плече, чтобы убедиться — она здесь, настоящая, теплая, реальная.

Лана, конечно, всё это замечала. Её забавляло это его «повышенное внимание», которое шло вразрез с его обычным сдержанным образом.

— Ты сегодня решил, что я могу испариться, если ты на секунду перестанешь меня трогать? — рассмеялась она, когда Влад в очередной раз, проходя мимо, небрежно, но очень бережно коснулся её щеки тыльной стороной ладони.

Влад на секунду замер, напустив на себя вид глубокомысленного исследователя.

— А вдруг? — серьезно ответил он, хотя глаза выдавали его с головой. — Ты сегодня какая-то подозрительно настоящая. Проверяю надежность конструкции.

— Конструкция «Лана» надежно зафиксирована, — отозвалась она, подмигнув ему. — Но, если ты продолжишь в том же духе, придется брать с тебя плату за техобслуживание.

— И какую же? — Влад шагнул ближе, нарушая все границы личного пространства, и лукаво прищурился.

— Ну, например, — Лана на секунду задумалась, сделав вид, что изучает потолок, — сегодня вечером ты сам доделываешь этот кулинарный шедевр, который мы так «успешно» начали.

Влад расхохотался — это был свободный, заразительный смех человека, который наконец-то позволил себе роскошь быть счастливым. Он не стал спорить, лишь притянул её к себе, на мгновение уткнувшись лицом в её волосы. В этот момент им обоим стало очевидно: они больше не хотят играть в «серьезных взрослых». Им было гораздо важнее оставаться этими влюбленными подростками, которые нашли друг друга в середине сложного пути.

— Знаешь, — прошептал Влад, когда они переместились в гостиную и затихли на диване, — я ведь правда не хотел тебя отвлекать. Твой диплом, твои планы... я понимал, что становлюсь для тебя помехой, лишним грузом в твоём четком графике.

Лана подняла на него глаза. В полумраке комнаты его лицо казалось мягче, без следов той взрослой усталости, которую она привыкла в нем видеть. Внутри у неё всё сжалось от щемящей нежности.

— Ты не помеха, Влад, — ответила она. Её голос звучал на удивление твердо, несмотря на то что в груди разливалось странное, тягучее тепло. — Ты — единственное, что делает всё это осмысленным. Раньше я думала, что успех — это цель. Теперь я понимаю, что успех — это когда тебе есть к кому вернуться.

Влад притянул её к себе, укладывая голову на свою грудь. Лана слушала ритмичный стук его сердца — такой успокаивающий и в то же время такой волнующий. Он перебирал её волосы, и каждое его касание было наполнено осознанием: завтра всё изменится.

— Мы будем писать друг другу, — сказал он, и в его голосе прозвучало обещание, которое было важнее любой клятвы. — Каждый день. Пока ты не вернешься в марте. И не важно, что там будет происходить — мы будем на связи.

Лана закрыла глаза, позволяя себе просто раствориться в этом моменте и в этих обаяниях. Сейчас, в этой квартире, залитой предвечерним светом, они чувствовали себя одним целым.

Лана не хотела думать о холодной зиме и долгой разлуке, ведь она нашла то, ради чего стоит ждать. Её память навсегда запомнит его дыхание, каждое его слово и каждое его движение.

«Пуškai мы разные, пускай у нас жизненные позиции разные, вдвоем обязательно найдем решение, которое позволит нам остаться вместе» — надеялась в сердце Лана.

Они оба знали, что завтрашний отъезд будет болезненным. Но в этот раз разлука была другая — у каждого из них оставалась частичка той жизни, которую они выбрали сами.

Влад приподнял голову Ланы, и поцеловал, в этом поцелуе не было той лихорадочной спешки, что была ночью. Он был долгим, прощальным, наполненным обещанием.

Рухнувшие амбиции

Февраль для Ланы превратился в бесконечный, изматывающий марафон. Время перестало существовать как календарные дни, слившись в единый цикл: бесконечное заучивание текста диплома, бесконечные походы по кабинетам педагогов и бесконечные исправления, которые, казалось, никогда не закончатся.

Она жила в состоянии постоянного напряжения. Начало марта принес с собой не весеннее оживление, а леденящую душу необходимость защиты диплома. В голове пульсировала одна-единственная, навязчивая мысль: «Нужно сдать». Это нервное ожидание физически скручивало живот, не давая ни есть, ни спокойно спать, превращая каждый вдох в преодоление.

В этот тяжелый период единственным утешением стали письма от Влада. Он проявлял к ней невероятное внимание, окружая заботой даже на расстоянии. Влад присылал Лане стихи, которые сочинял сам, и это стало для неё настоящим открытием — такая сторона его личности искренне удивляла её.

А потом наступил момент истины — оглашение оценок. И пришло разочарование, острое и горькое, словно удар под дых. Ей не хватило всего одного балла, всего одного шага, чтобы получить красный диплом. Мечта, которую она лелеяла так долго и к которой так упорно шла, рухнула в одно мгновение, оставив после себя лишь звенящую пустоту.

Лана стояла в коридоре, глядя на то, как ликуют выпускники, и вдруг до неё дошла неожиданная истина: этот диплом, этот красный цвет, о котором она грезилась, не гарантировал ей счастья. Это был чужой идеал, навязанный ожиданиями других. В этой звенящей пустоте впервые за долгое время стало тихо, и в этой тишине она впервые услышала собственный голос, который шептал: «Теперь, когда это больше не нужно, что я на самом деле хочу делать?»

Она медленно открыла зачетную книжку, где этот единственный злополучный «неудовлетворительный» результат казался клеймом. Лана смотрела на него пару секунд, а затем, не испытывая ни гнева, ни слез, просто захлопнула книжку. Она развернулась и пошла к выходу

и с каждым шагом с её плеч сползала тяжесть несбывшейся мечты, оставляя место для чего-то нового, еще пока неясного, но уже бесконечно своего.

Город за спиной казался теперь не строгим экзаменатором, а просто декорацией, которая осталась в прошлом.

Дорога до вокзала прошла как в тумане, будто само время решило дать ей паузу.

И вот, когда за окном вагона замелькали привычные пейзажи, превращаясь в размытую ленту, Лана наконец выдохнула. «Сейчас немного отдохну после учебы и потом решу, как жить дальше», — думала она, глядя в окно поезда, уносящего ее в родной город.

Сразу после приезда, едва поздоровавшись с мамой, она почувствовала острую потребность увидеть Влада. Ей казалось, что только в его объятиях она сможет выпустить наружу накопившуюся горечь и хоть на мгновение забыть о рухнувшей мечте.

Лана побежала в парк, где ждал ее Влад. Она не стала дожидаться расспросов — слова сами полились из нее, смешиваясь с подступающими слезами.

— Влад, это крах, — прошептала она, пряча лицо у него на плече. — Я так старалась... Весь февраль как в тумане, эти бесконечные исправления, бессонные ночи... И что в итоге? Одна проклятая оценка отделила меня от красного диплома. Одна! Я чувствую себя так, будто все мои усилия, вся эта гонка были бессмысленны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.